

не только понятийный, но и оценочные и эмотивные компоненты, а также различные представления, ассоциации, выражаемые языком. Беря это определение за основу понимания сути концепта, обратимся к поэтическому дискурсу Магжана Жумабаева, в системе которого существует целый пласт ментального свойства концептов, создающих особый семантически подвижный мир лирики поэта.

В созданном Магжаном дискурсивном пространстве поэтического текста читатель в качестве реципиента всегда ощущает активное действие «смыслопорождающих энергопотоков», которые находят свое концептуальное выражение в знаково-символической интерпретации тех или иных образов. Зачастую носителем подобного рода энергопотока является лирический герой, либо лирическое «я», близкое к авторскому «я», присутствие которого выражено в основном неявно, лирический субъект, но сознание субъекта, проникающего окружающий мир, вселенную, всегда и неизменно доминантно.

В этой связи интересно отметить, что главной константой содержания поэтического дискурса Магжана является не философская мысль, которая, кстати, присуща поэзии Абая: ведь за пластом конкретной референции изображаемого, то есть его предметности, мы обнаруживаем необычайную глубину философского подтекста, очень органичного и неотъемлемого великого казахского поэта. Магжан же позиционирует своего героя более созерцателем, нежели философом, но взгляд героя-созерцателя также пристален и проникновенен, как у философа, но не столь тяжеловесен и плотен, как это бывает в философском тексте, и мысль, обобщающая этот проникновенно-созерцающий взгляд, порой выражается в такой утонченно поэтичной и одновременно парадоксальной форме, что когнитивный аспект поэтический дискурса в результате влияния данной парадоксальности приобретает необыкновенную притягательность, символическую масштабность. Результат созерцания, отраженный в концепте сознания, – восхождение к очередному этапу знания, к опыту, помогающему в какой-то степени преодолеть ступени негации, коей исполнены человеческий быт и бытие.

РУМЫНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА ВОСЬМИДЕСЯТЫХ. ЕЁ УСПЕХИ И ПРОВАЛЫ

Хайранова Г.С., Блаханова М.Д., Салихарова Н.А.

*Центрально-Азиатский университет, Алматы,
e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru*

Литературная критика восьмидесятых годов XX века развивалась в минорной манере. Например, Александр Чистелекан, один из самых тонких критиков поэзии, за исключением книги о поэте Ион Пиллат, в основе которой – докторская диссертация, не отказался от своих окказиональных рецензий книг поэзии, хотя у него были все условия для исследований синтетического характера и критического синтеза. Ряду Г.Цепосу исчез слишком рано, не успев написать фундаментальную книгу; Василе Попович покинул поле литературной критики после того, как написал две книги; Мирча Скарлат умер вскоре после появления своей «Истории румынской поэзии», единственной истории литературы Румынии в этом роде, в то время как Ион Богдан Лефтер стал идеологом поколения восьмидесятых. Штефан Борбей и Корин Брага практикуют преимущественно университетскую критику, первый – в духе Адриана Марино, второй – в духе плюро-дисциплинарности, с повышенным вниманием к проблематике *Itaştage*. Удивительное превращение замечается у Дан Ч.Михэилеску, критика

академической манеры до 1990-го года, автора строгих исследований. Он стал самым видным литературным хроникером и телевизионным деятелем, выявляя вполне в этом качестве свои возможности гистриона и готовность расхотать безоглядно очарование своей литературной личности. Восхищаясь его письмом и его телевизионными появлениями, невозможно не думать о ненаписанных им книгах и о том, что, желая быть в центре внимания публики, критик должен отказать от строгости своего дела и исполнять роли, которые ему не к лицу.

Единственным критиком, который отстаивал утверждение писателей-дебютантов девяностых годов, был Дан Силвиу Боере-ску, но и он стал главным редактором журнала «Playboy».

Список литературы

1. Manolescu N. Istoriacritica a literaturii romane. – Bucuresti, 2008.
2. Grosan Ioan. Raspuns la anchetarevistea «Amfiteatrul»: din nou prozascorta in actualitate // Craciun Gheorghe, Viorel Marineasa, Generatia 80 in prozascorta. – Pitesti: Ed. «Paralela 45». 1998.
3. Lefter Ion Bagdan. Introducere in noua poezie a prozei // Craciun Gheorghe. Viorel Marineasa, Generatia 80 in prozascorta. – Pitesti: Ed. «Paralela 45». 1998. – P.222-230.
4. Cernat Paul. Puncte dinoficiupentru literatura tinara // Observator cultural. 212-27 august 2008.
5. Cernat Paul. Puncte dinoficiupentru literatura tinara // Observator cultural. 4-10 septembrie 2008.

ЖЕНСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО В КОРЕЕ

Иманалиева Н.М., Балтабаева Г.С.

Казахский государственный женский педагогический университет, Алматы, e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

Пак Кен Ни стала заниматься литературным творчеством в 1950-е годы. Первые ее произведения сразу же привлекли внимание читателей. Рассказ «Поколение без веры» (1956) рисует послевоенное корейское общество. В нем глубоко исследуются корни веры человека в ближнего своего. Рассказ получил премию «Хен-дэ мунхак» («Современная литература») в 1956 году. Публикация первой части романа «Земля» (1970) принесла писательнице общенациональную славу, которая росла по мере выхода в свет следующих частей. Роман был экранизирован, телесериал тоже имел огромный успех.

Имя Пак Кен Ни связано с феноменом так называемой корейской женской литературы, которому следует уделить особое внимание, по ряду причин. Во-первых, потому что за столь короткое время, буквально за два-три десятилетия, появилось много ярких новых женских имен на литературной ниве, которую традиционно вспахивали мужчины-писатели. Во-вторых, тематика творчества женщин-писательниц, в силу понятных причин, существенно отличалась от стандартного набора. В-третьих, на женскую литературу вырос читательский спрос представительниц слабого пола.

Женщины не сразу смогли принять участие в общественной жизни страны и занять место в национальной культуре, ибо патриархальные и конфуцианские традиции были в послевоенной Корее по-прежнему сильны. Появление первых женщин-литераторов стало заметным событием. Видную роль в развитии литературы сыграли Кап Син Чжэ, Пак Вон Со, Пак Кен Ни, О Чон Хи, Чхве Мён Хи. Первыми завоевали известность женщины – поэты. Ведущее место в их творчестве занимали темы женского счастья, материнской любви и проблемы семьи. Яркими представителями этого направления являются поэтессы Но Чхон Мён и Мо Юн Сук.

Особую роль в развитии литературы женского потока сыграли Кан Син Чже и Пак Кён Ни, чье творчество в Республике Корея пользуется не меньшей популярностью, чем творчество писателей-мужчин.

Кан Син Чжэ дебютировала в 1949 году циклом рассказов «Лицо», «Чхан Сум», «Возвращение в горы» и других. Впоследствии именно рассказы, а не романы создали ей литературное имя в читательских кругах. Главная тема ее произведений – судьба женщины в современном мире, этика и гармония любовных отношений. Нравственной основой творческих устремлений Кан Син Чжэ является конфуцианская этика семейных отношений, теряющая свое место в современных условиях жизни. Глубоко психологичные рассказы о перипетиях женской любви служат тому наглядным примером. Практически все рассказы, созданные Кан Си Чжэ, являются продолжением лучших традиций жанра корейской новеллистики [17, с.181-184].

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ И КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Калжанова Г.Н., Жумахан С.Ж., Балтабаева Г.С.

Казахский государственный женский педагогический университет, Алматы, e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

С установлением независимости Казахстана активизировались контакты казахской литературы со многими зарубежными литературами. Что касается литературных отношений независимого Казахстана с Испанией, то они только начинают развиваться. Положительным фактом можно назвать встречу казахстанских читателей с представителями литературного сообщества Испании несколько лет тому назад в Национальной библиотеке РК [7]. В 2002 году в Алматы был издан роман «Надя» [11] Франциско Паскуаля де ла Парте, который был в то время послом Испании в Казахстане. «Роман назван по имени главной героини Надежды Рыбаковой, ... вынужденной расстаться с любимой работой для того, чтобы содержать свою небольшую семью. Действие произведения развивается в постперестроечной России, в январе 1997 года» [12, с.332]. Чтение романа вызывает интерес, так как сходная ситуация была и в Казахстане тех лет. Интересным фактом стала публикация стихов известного испанского поэта Фредерико Майора в переводе на казахский язык в 1997 году. Его стихи были переведены поэтом Гемирханом Медетбековым. В сборник «Федерико Майор. Элендер» [13] вошло 70 стихов, охватывающих период с 1988 по 1990 годы. Многие из них были написаны во время посещения им Франции, Канады, Бельгии, Японии, Индии, Мавритании, Йемена, Египта, Эфиопии, Нигерии, Пакистана. Произведения казахстанских авторов издают в Испании. В 1993 году в Барселоне вышел в свет сборник рассказов Дуkenбая Досжанова в переводе на испанский язык Х.Мануэля. В 1987 году в Испании опубликовали роман «Кровь и пот» Абдижамила Нурпейсова.

В контексте современного развития мировой литературы развитие каждой национальной литературы проходит в соответствии с общими тенденциями эволюции мирового художественного процесса. Наблюдаются одинаковые для всех национальных литератур проблемы, связанные с глобализацией и коммерциализацией общества и проистекающими отсюда последствиями. Общие для всех современных литератур проблемы свойственны и казахской литературе, так как в последние годы происходит органичное вхождение казахской литературы в контекст мировой художественной культуры. Изучение опыта всех национальных литератур необходимо для полноценного развития каждой отдельной литературы. И.-В.Гете считал, что каждая нация «найдет у каждой другой и нечто приемлемое... такое, чему следует подражать,

и такое, чего нужно избегать. ...Потому что, когда лучше знают взгляды друг друга и если эти взгляды совпадают, из этого быстрее возникает надежное доверие» [14, с.57]. По мнению И.-В.Гете, сближен литературой откроет путь для взаимопонимания народов и их ф. душего процветания. Он призывал к организованному единству и содружеству писателей различных стран. Идеи Гете, высказанные им почти два столетия назад, актуальны и в наши дни.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОЛГАРСКОЙ ПРОЗЫ ХХІ ВЕКА

Касен А.К., Манат Т.М., Балтабаева Г.С.

Центрально-Азиатский университет, Алматы, e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

В последние годы, где-то с начала нового тысячелетия, в текущем социополитическом контексте болгарской литературы протекает ускоренный процесс стабилизации и утверждения правого – процесс, к которому литература остаётся критически индифферентной. После периода институциональной дестабилизации в 90-е годы (время «мутной воды»; или говоря другим жаргоном – первоначального накопления капитала) сегодня статус-кво категорично определён. Как центральная, конститутивная сила в нём очерчен прогрессирующий *плохой этатизм*. Этатизм, который реализуется не в сферах социально-гуманного, а имеет административно-репрессивный характер: государство действует как сверхинституция, которая сводит свои обязанности только к своим первичным функциям контролировать, шпионить, регламентировать, запрещать и, в конечном счёте, заботясь прежде всего о собственной институциональностиTM – всё более редуцировать индивидуальные свободы своих горожан (часто под благовидным и не терпящим возражения предлогом для борьбы с преступностью, с которой она в немалой степени срослась). Развивая на самом высоком уровне *корпоративный капитализм* американского типа, государство через свои институты всё более откровенно действует в интересах частных или классово-корпоративных, невзирая на собственную социальную демагогию.

В подобной ситуации моральный долг литературы – вернуть свою критичность, свой гуманистичный пафос.

Мы наблюдаем как раз обратное. Своим безразличием к социальному, служением удовольствию, поверхностному и эфемерному, целостной утратой своих онтологических и метафизических измерений литература активно включается в производство и утверждение потребительских ценностей капитализма.

Это что-то большее, чем просто контрмодернизм. Это отказ от морали в полном, гуманистичном смысле сего понятия. Даже там, где моральное вроде бы налицо, оно представлено весьма *плоско*, переведено на язык развлекательного и, в конечном счёте, инфантилизированно. В «проблему» превращено элементарное, вегетативное удовольствие от жизни, первосигнальное потребление счастья и удачи – сверхценности, которые обслуживают потребительский механизм.

Со своим радикальным контрмодернизмом литература в последние годы всё больше и больше продвигается по пути саморазоблачения как явление с правым, *охранительским* характером. Она все больше интегрируется в тот процесс демократизирования потребительской этики, который в универсальном плане характеризует постмодерн (с 1950 года до сих пор). Кардинальная антитеза модерности между культурой и властью преодолена, происходит позор-